

Переводы

© Элла Шохат

ЗАМЕТКИ О «ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ»

Ключевые слова: постколониализм, гибридность, Третий мир, неоколониализм

В настоящей статье я намерена не столько досконально проанализировать сам термин «постколониальный» с семантической точки зрения, сколько обозначить его географическое, историческое и институциональное положение, ставя при этом под сомнение его политическую составляющую. Ряд насущных вопросов заключается в следующем. Какие перспективы выдвигаются в «постколониальном»? Для каких целей? Какими могут быть негативные последствия? Я не намерена исследовать разнообразие провокативных работ, публикуемых под рубрикой постколониальной теории; я не собираюсь также эссенциализировать термин «постколониальный»; моя задача заключается в том, чтобы раскрыть его двусмысленное политическое значение, которое иногда ускользает от противоположных друг другу намерений его теоретиков. В данной статье я буду выступать за более ограниченное – как исторически, так и теоретически – конкретное использование термина «постколониальный», которое помещает его в контекст по отношению к другим – не менее проблематичным – категориям.

В академической оппозиции войне в Персидском заливе задействован ряд известных терминов для нанесения словесного «контрудара» по новому миропорядку; к ним, в частности, относятся «империализм», «неоколониализм» или «неоимпериализм». Стоит отметить, что в научных обсуждениях отсутствовал термин «постколониальный»; его не было даже в речах наиболее видных активистов. Учитывая небывалое распространение этого термина на недавних научных конференциях, в публикациях и измененных учебных программах, это неожиданное отсутствие термина несколько озадачило. Было ли его отсутствие чистой случайностью? Или есть что-то в термине «постколониальный», что не способствует его использованию в геополитической критике или критике доминирующих в СМИ макронарративов о войне в Персидском заливе? Когда границы, проведенные на песке, все еще довлеют над географией стран Третьего мира, необходимо задаться вопросом, как мы можем определить значение термина «постколониальный». Исходя из моей особой позиции как ученого и арабо-еврейки, чья культурная топография охватывает Ирак, Израиль/Палестину и США, я хотела бы исследовать ряд теоретически и политически неясных элементов термина «постколониальный».

Элла Шохат, профессор Университета г. Нью-Йорк. es100@nyu.edu.

Статья впервые опубликована на английском языке в: *Third World and Post-Colonial Issues // Social Text*. 1992. Vol. 31 (32). P. 99–113. На русском языке публикуется с согласия автора.

Для цитирования: Шохат Э., Заметки о «постколониальном» // *Антропологии/Anthropologies*. 2022. No 1. С. 136-150. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-1/136-150>

Несмотря на множество своих позициональностей, постколониальная теория, как ни странно, не обращалась к политике локализации самого термина «постколониальный». Я предлагаю начать исследование термина «постколониальный», поднимая вопросы о его внеисторическом и всеобщем применении, а также о его потенциально деполитизирующих последствиях. Растущее одобрение термина «постколониальный» и постколониальных исследований как зарождающейся дисциплины не лишено двусмысленности: так, в объявлениях о вакансиях на платформе «Ассоциация современного языка» (англ. *Modern Language Association*) появляется требование специализироваться на «постколониальной литературе». Мой недавний опыт работы в качестве члена комитета по мультикультурным международным исследованиям в одном из подразделений Городского университета Нью-Йорка явно указывает на обозначенную выше двусмысленность. В ответ на наше предложение в целом консервативные члены комитета по учебной программе колледжа решительно воспротивились любым формулировкам, затрагивающим такие вопросы, как «империализм и критическая теория третьего мира», «неоколониализм и практики культурного сопротивления» и «геополитика культурного обмена». Однако они испытали явное облегчение при слове «постколониальный». Только в результате дипломатического отказа от терроризирующих терминов «империализм» и «неоколониализм» в пользу более нейтрального «постколониальный» удалось добиться их одобрения.

В настоящей статье я намерена не столько досконально проанализировать сам термин «постколониальный» с семантической точки зрения, сколько обозначить его географическое, историческое и институциональное положение, ставя при этом под сомнение его политическую составляющую. Ряд насущных вопросов заключается в следующем. Какие перспективы выдвигаются в «постколониальном»? Для каких целей? Какими могут быть негативные последствия? Я не намерена исследовать разнообразие провокативных работ, публикуемых под рубрикой постколониальной теории; я не собираюсь также эссенциализировать термин «постколониальный»; моя задача заключается в том, чтобы раскрыть его двусмысленное политическое значение, которое иногда ускользает от противоположных друг другу намерений его теоретиков. В данной статье я буду выступать за более ограниченное – как исторически, так и теоретически – конкретное использование термина «постколониальный», которое помещает его в контекст по отношению к другим – не менее проблематичным – категориям.

Термин «постколониальный» возник в языке политического и культурного анализа не на пустом месте. Напротив, его широкое применение в конце 1980-х гг. совпало с упадком более старой парадигмы и зависело от этого процесса. Речь идет о парадигме третьего мира. Терминологический сдвиг указывает на профессиональный престиж и теоретическую ауру, которую приобрели эти вопросы, в отличие от более активистской ауры, которой когда-то обладал третий мир в более прогрессивных научных кругах. Придуманый в 1950-х гг. во Франции по аналогии с третьим сословием (простолюдины; все те, кто не был представителем ни дворянства, ни духовенства), термин «третий мир» получил международное признание как в научных, так и в политических кругах, особенно в отношении антиколониальных национальных движений в 1950–1970-х годов, а также политического и экономического анализа теории зависимости и мир-системной теории (Андре Гундер Франк, Иммануил Валлерстайн, Самир Амин).

В последнее десятилетие вокруг понятия «третий мир» наблюдался терминологический кризис. Теория трех миров действительно, как предполагают многие критики, весьма спорна (см., например: *Ahmad* 1987; *Appadurai* 1990; *Stam* 1991; *Mohanty* 1991). Во-первых, в результате исторических процессов последних трех десятилетий появился ряд очень сложных и политически неоднозначных явлений. Краткий период так называемой «эйфории третьего

мира», когда казалось, что левые первого мира и партизаны третьего мира рука об руку пойдут навстречу глобальной революции, завершился падением советской коммунистической модели, кризисом существующих социалистических систем и крахом надежд на трехконтинентальную революцию (своего рода талисманами которой стали Хо Ши Мин, Франц Фанон и Че Гевара). Появилось осознание того, что «угнетенные нашей земли» (*the wretched of the Earth*) не являются единодушными революционерами (и непременно союзниками друг друга). Также было признано, что обстановка в международной геополитике и глобальной экономической системе привела к тому, что даже социалистические режимы смирились с транснациональным капитализмом. Наконец, несмотря на обширную геополитическую гегемонию, соотношение сил в третьем мире также рассредоточено и противоречиво. Более того, борьба между первым миром и третьим миром ведется не только между государствами (Индия и Пакистан, Ирак и Кувейт), но и внутри них; при этом постоянно меняются отношения между доминирующими и подчиненными группами, поселенцами и коренными народами. Борьба ведется в условиях, отмеченных волнами эмиграций после приобретения независимости в страны Первого мира (Великобритания, Франция, Германия и США) и в более процветающие страны третьего мира (государства Персидского залива). В общем и целом, понятие трех миров сглаживает неоднородность, маскирует противоречия и скрывает различия.

Этот кризис в теории третьего мира помогает объяснить нынешний энтузиазм относительно термина «постколониальный» – нового обозначения для критических дискурсов, которые тематизируют проблемы, возникшие из колониальных отношений и их последствий – речь идет как о длительном историческом периоде, так и настоящем. При отбрасывании суффикса «-изм» в слове «постколониализм» (англ. *post-colonialism*) образуется прилагательное «постколониальный» (англ. *post-colonial*), которое часто используют с такими существительными, как «теория», «пространство», «состояние», «интеллектуал», при этом оно часто заменяет словосочетание «третий мир» в сочетании с существительным «интеллектуал». Определитель «принадлежащий третьему миру», напротив, чаще используют с такими существительными, как «нации», «страны» и «народы». Совсем недавно прилагательное «постколониальный» в английском языке было преобразовано в существительное, употребляемое как в единственном, так и во множественном числе (англ. *postcolonials*) и обозначающее субъектов «постколониального состояния».¹ Окончательное принятие термина произошло после отбрасывания дефиса в слове на английском языке. Часто подкрепляемое имеющим теоретические коннотации существительным «постколониальность» (англ. *post-coloniality*), слово «постколониальный» (англ. *post-colonial*) широко используется в англо-американских научных исследованиях (в области культуры) и в публикациях по дискурсивно-культурному анализу, находящихся под влиянием постструктурализма².

Вторя «постмодерну», термин «постколониальность» (англ. *postcoloniality*) обозначает современное государство, ситуацию, состояние или эпоху (для ознакомления с особенностями взаимосвязи между постмодернизмом и постколониализмом см.: Appiah 1991). Таким образом, префикс «пост-» сближает термин «постколониализм» (англ. *post-colonialism*) с рядом других слов, начинающихся с префикса «пост-»: «постструктурализм», «постмодернизм», «постмарксизм», «постфеминизм», «постдеконструктивизм». Все эти слова передают идею движения за пределы чего-то. Однако эти термины, начинающиеся с префикса «пост-», в основном вытесняют устаревшие философские, эстетические и политические теории; а слово «постколониальный» (англ. *post-colonial*) предполагает как выход за пределы антиколониальной национальной теории, так и движение за пределы определенного исторического момента, т.е. колониализма и национальной борьбы третьего мира. В этом смысле префикс «пост-» сближает слово «постколониальный» с другими словами, начинающимися в английском языке с префикса «пост-»:

«послевоенный» (англ. *post-war*), «после холодной войны» (англ. *post-cold war*), «после обретения независимости» (англ. *post-independence*), «постреволюционный» (англ. *post-revolution*) (на русский язык данные слова переводятся с использованием либо того же префикса «пост-», либо с помощью предлога или корня «после»). Все эти слова подчеркивают переход к новому периоду, а также окончание определенного исторического события или эпохи, у которых есть конкретные даты начала и конца. Периодизации и связи между присущими той или иной эре теориями и характерными для нее практическими подходами всегда формируют спорные области; несмотря на это мне кажется, что две группы слов, начинающихся с префикса «пост-», тем не менее различны в оттенках своих значений, первый из которых делает упор на дисциплинарных достижениях, характерных для интеллектуальной истории, а второй – на строгой хронологии истории *как таковой*. Я бы сказала, что это непроговоренное противоречие между философской и исторической телеологией в «постколониальном» частично лежит в основе некоторой концептуальной двусмысленности самого термина.

Префикс «пост-» в слове «постколониальный» подразумевает значение «после» заката колониализма, в связи с чем он пронизан – совершенно независимо от намерений того, кто использует этот термин, – двусмысленной пространственно-временной принадлежностью. Попав из Индии в англо-американский научный дискурс, термин «постколониальный» обычно ассоциируется со странами третьего мира, которые приобрели независимость после окончания Второй мировой войны. Однако это также относится к диаспорам стран третьего мира в метрополиях первого мира, образовавшихся в последние четыре десятилетия по различным причинам: от принудительного изгнания до «добровольной» эмиграции. В ряде опубликованных постколониальных работ, таких, например, как «Империя отвечает: теория и практика постколониальной литературы», авторы расширяют термин «постколониальный», чтобы охватить все англоязычные литературные произведения обществ, пострадавших от колониализма: «<...> произведения, написанные в Австралии, странах Африки, Бангладеше, Индии, Малайзии, Мальте, Канаде, странах Карибского бассейна, Новой Зеландии, Пакистане, Сингапуре, островных странах южной части Тихого океана и Шри-Ланке, относятся к постколониальной литературе. К этой категории следует также отнести и литературу США. Возможно, из-за их нынешней позиции силы и той неокOLONизирующей роли, которую они сыграли, постколониальный характер американской литературы не получил всеобщего признания. Но то, как эволюционировали ее отношения с метрополией в течение последних двух столетий, стало парадигматичным для развития постколониальной литературы во всем мире. Что объединяет эти литературные произведения, помимо присущих им особых и отличительных региональных характеристик, так это то, что они возникли в их нынешнем виде из опыта колонизации и закрепили свои позиции, выдвигая на первый план напряженные отношения с имперской властью и подчеркивая свои отличия от догм имперского центра. Именно это и делает их отчетливо постколониальными» (*Ashcroft, Griffiths, Tiffin* 1989: 2).

Эта противоречивая формулировка объединяет самые разные национально-расовые образования – США, Австралию и Канаду, с одной стороны, и Нигерию, Ямайку и Индию, с другой, – и превращает их в одинаково «постколониальные» структуры. Помещение, например, Австралии и Индии в позицию по отношению к имперскому центру просто потому, что обе страны были колониями, уравнивает отношения колонизированных белых поселенцев с европейцами в «центре» с отношениями колонизированного коренного населения с европейцами. Оно также подразумевает, что страны белых поселенцев и развивающиеся страны третьего мира откололись от «центра» схожим образом. Точно так же белые австралийцы и австралийские аборигены помещаются на одну и ту же «периферию», как будто бы они заодно по отношению к «центру». Радикальные различия между геноцидным притеснением со стороны Европы

аборигенов Австралии, коренных народов Америки и афро-диаспорных сообществ и господством Европы над европейской элитой в колониях нивелируются легким ударом под давлением префикса «пост-». Термин «постколониальный» в этом смысле маскирует колониально-расистскую политику белых поселенцев по отношению к коренным народам не только до обретения независимости, но и после официального разрыва с имперским центром, а также камуфлирует неоколониальные позиции государств, образованных переселенцами из первого мира.

Я не утверждаю, что такое расширенное использование термина «постколониальный» является типичным или парадигматическим (о формировании постколониального движения сопротивления см.: *Spivak* 1990). Фраза «постколониальное общество» может в равной степени вызывать ассоциации с национальными государствами третьего мира после приобретения независимости. Однако дезориентирующее пространство «постколониального» порождает странные связи префикса «пост-» и отдельных географических регионов, смешивая отдельные перспективы. Указывает ли префикс «пост-» на перспективу и позицию бывших колонизированных народов (алжирцы), бывших колонизаторов (французы), бывших колонизаторов-поселенцев (франкоалжирцы или в дословном переводе с французского языка «черноногие») или переселенного смешанного населения в метрополиях первого мира (алжирцы во Франции)? Поскольку опыт колониализма и империализма разделяется, хотя и асимметрично, (бывшим) колонизатором и (бывшим) колонизированным, то становится гораздо проще применить префикс «пост-» и в отношении европейских стран первого мира. Поскольку большая часть мира живет сейчас в период после колониализма, то слово «постколониальный» легко может стать своего рода универсализирующей категорией, которая нейтрализует существенные геополитические различия между Францией и Алжиром, Великобританией и Ираком или США и Бразилией, поскольку все они живут в «постколониальную эпоху». Стоит добавить, что это непреднамеренное смещение перспектив приводит к любопытной двусмысленности в научных трудах. Колониальный дискурс, с одной стороны, относится к дискурсу, созданному колонизаторами как в колонии, так и у себя на родине; с другой стороны, иногда он относится и к его современным проявлениям в литературе и массовой культуре. А вот «постколониальный дискурс» не относится к колонизаторскому дискурсу периода после окончания колониализма. Скорее, он отсылает нас к современным теоретическим работам, относимым как в первом, так и в третьем мире в целом к левому дискурсу и стремящимся преодолеть (предполагаемый) бинаризм активистов движения неприсоединения третьего мира.

Помимо своей двусмысленной пространственности, «постколониальный» затрудняет определение темпоральных характеристик. Во-первых, отсутствие исторической конкретики в префиксе «пост-» приводит к смешению различных хронологий. Государства колонистов, такие как те, что были основаны в Австралии, Северной и Южной Америках, Новой Зеландии и Южной Африке, в основном обрели независимость в XVIII и XIX веках. Большинство стран Африки и Азии, напротив, обрели независимость в XX столетии, некоторые в 1930-х (Ирак), другие в 1940-х (Индия, Ливан), третьи в 1960-х (Алжир, Сенегал) и в 1970-х годах (Ангола, Мозамбик), а другим еще только предстоит добиться ее. Когда же именно начинается «постколониальный»? Какой регион удостоивается такой привилегии? В каких отношениях находятся между собой начала периодов «постколониального»? Нечеткая отправная точка, указывающая на начало «постколониального», мешает делать различия. Ранняя независимость, завоеванная государствами колонистов, в которых европейцы сформировали свои новые национальные государства на неевропейской территории за счет коренного населения, приравнивается к независимости национальных государств, коренное население которых боролось за независимость от Европы, но добилось ее, по большей части, после распада европейских империй в XX веке.

Если использовать префикс «пост-» в слове «постколониальный» по отношению к национальной борьбе третьего мира в 1950-х и 1960-х годах, то какие временные рамки применимы к современной антиколониальной/антирасистской борьбе, проводимой под знаком национального и расового угнетения, например, для таких палестинских писателей, как Сахар Халифех и Махмуд Дарвиш, которые пишут в то же время, что и «постколониальные» писатели? Следует ли предположить, что они являются до-«постколониальными»? Общие темпоральные характеристики «постколониальности» могут воспроизвести колониальный дискурс аллохронического иного, живущего в другом времени, все еще отстающего от нас, – подлинных постколониалов. Глобализирующий жест «постколониального состояния» или «постколониальности» преуменьшает множественность позиций и темпоральности, а также возможные дискурсивные и политические связи между «постколониальными» теориями и современной антиколониальной или антинеоколониальной борьбой и дискурсами. Другими словами, современные антиколониальные и антинеоколониальные дискурсы сопротивления, существующие в пространстве от Центральной Америки и Ближнего Востока до Южной Африки и Филиппин, теоретически не могут быть отвергнуты как эпигоны, как простое повторение слишком знакомых дискурсов пятидесятых и шестидесятых годов. Несмотря на их частично общие дискурсы с национализмом третьего мира, эту современную борьбу также необходимо поместить в исторический контекст и проанализировать в условиях нынешнего времени, когда революционный дискурс движения неприсоединения больше не витает в воздухе. Такой подход преодолел бы имплицитный подтекст о временном «зазоре» между «постколониальным» и до-«постколониальным» дискурсами, примером чего является смешение дискурсов сопротивления и борьбы во время интифады (см.: *Lockman, Benin* 1989; *Said* 1989: 5–22; *Said* 1985). Необходимо договориться об отношениях различия и тождества, разрыва и непрерывности.

Поскольку префикс «пост-» означает «после», то он потенциально препятствует открытому обсуждению «неоколониальности». Формальная независимость колонизированных стран редко означала конец гегемонии первого мира. Формальная независимость Египта в 1923 г. не помешала европейскому и особенно британскому господству, которое привело к революции 1952 года. Открытая политика Анвара Садата в отношении американцев и Кэмп-Дэвидские соглашения в семидесятых годах были восприняты арабскими интеллектуалами как возврат к донасеровскому империализму, как и сотрудничество Египта с США во время войны в Персидском заливе³. Цель Доктрины Картера состояла в том, чтобы частично защитить долговечные нефтяные интересы США в Персидском заливе, которые с помощью нефтеисламистских режимов стремились установить контроль над любой силой, которая могла бы представлять угрозу⁴. Аналогичным образом в Латинской Америке формальная «креольская» независимость не предотвратила военные интервенции в стиле доктрины Монро или англо-американскую гегемонию свободной торговли. Этот процесс отличает историю стран Центральной и Южной Америки и Карибского бассейна от остальных государств колонистов; несмотря на общую с Северной Америкой историю, включая геноцид коренного населения, порабощение африканцев и мультирасовый/этнический состав, эти регионы подверглись политическому и экономическому структурному угнетению. На некоторых уровнях оно было, как это ни парадоксально, более жестким, чем в недавно ставших независимыми странах третьего мира, таких как Ливия и даже Индия. Не случайно мексиканские интеллектуалы и независимые профсоюзы подвергли резкой критике «Грингостройку»⁵ недавнего договора о либерализации торговли. Формальная независимость не устранила необходимость в революциях кубинского или никарагуанского типа или в движении за независимость в Пуэрто-Рико. Термин «революция», когда-то популярный в контексте третьего мира, конкретно указывал на постколониальный момент,

инициированный официальной независимостью, однако содержанием последней стала удушающая неоколониальная гегемония.

Термин «постколониальный» подразумевает, что колониализм теперь остался в прошлом, что скрывает экономические, политические и культурные деформационные последствия колониализма в настоящем. Термин «постколониальный» непреднамеренно замалчивает тот факт, что глобальная гегемония, даже в эпоху после окончания «холодной войны», сохраняется в формах, отличных от открытого колониального господства. В качестве обозначения новой исторической эпохи термин «постколониальный» при сравнении с неоколониализмом мало связан с современными властными отношениями; в нем отсутствует политическое содержание, которое могло бы объяснить милитаристские действия США в стиле восьмидесятых и девяностых годов в Гренаде, Панаме, Кувейте и Ираке, а также симбиотические связи между политическими и экономическими интересами США и интересами местной элиты. Более того, при определенных условиях расовое и национальное угнетение отражает явные колониальные характеристики, например, угнетение чернокожих в Южной Африке, Северной и Южной Америках со стороны европейцев английского и голландского происхождения; угнетение палестинцев и ближневосточных евреев евреями европейского происхождения. Наконец, термин «постколониальный» не оставляет места для борьбы аборигенов Австралии и коренных народов Северной и Южной Америк – другими словами, народов четвертого мира, – в котором доминируют как мультинациональные корпорации первого мира, так и национальные государства третьего мира.

Гегемонистские структуры и концептуальные рамки, созданные за последние пятьсот лет, не могут быть стерты взмахом волшебной палочки «постколониального». Объединение Европы в 1992 г., например, укрепляет сотрудничество между бывшими колонизаторами, такими как Великобритания, Германия, Италия и Франция, в борьбе с нелегальной иммиграцией, способствует более строгому патрулированию границ для предотвращения проникновения различных народов третьего мира: алжирцев, тунисцев, египтян, пакистанцев, ланкийцев, индийцев, турок, сенегальцев, малийцев и нигерийцев. Вместе с этим триумфально инсценируется колониальный нарратив. Миллионы долларов вкладываются в проведение международных мероприятий, запланированных к пятистолетию так называемых открытий Колумба, кульминацией которых станет Великая регата – флот парусных кораблей из 40 стран, отправляющихся из Испании и прибывающих в гавань Нью-Йорка четвертого июля в День независимости США. В то же время антиколониальные нарративы реализуются через проекты «вид с берега», такие как поминовения коренными американцами уничтоженных общин по всей территории США и американского континента, а также планов блокирования копий каравелл Колумба при их заходе в порты США. В чем же тогда смысл «постколониальности», когда сохраняется ряд структурных конфликтов? Несмотря на различные исторические условия, конфликт между правами коренных американцев на свою землю как на священное и общественное достояние и евро-американским взглядом на землю как на отчуждаемую собственность остается структурно таким же. Как же тогда договариваться о тождестве и различии в рамках «постколониального», префикс которого – «пост-» – подчеркивает разрыв и приуменьшает тождество?

Современным культурам присуща напряженность между официальным концом прямого колониального правления и его присутствием и возрождением через гегемонизирующий неоколониализм внутри первого мира и по отношению к третьему миру, что часто проходит через национальную патриархальную элиту. «Колониальный» в «постколониальном» отодвигается в прошлое и маркируется неким завершением – подразумеваемой временной границей, ставящей под сомнение потенциальные ответные действия оппозиции. Какими бы ни были фи-

лософские коннотации префикса «пост-» как двусмысленного локуса непрерывности и прерывности (обсуждение префикса «пост-» см., например: *Young* 1982.; *Radhakrishnan* 1983; *Bennington* 1990), его значение «после» – телеологическая приманка префикса «пост-» – вызывает торжественное очищение концептуального пространства, которое на одном из уровней конфликтует с понятием «нео».

«Неоколониальный», как и «постколониальный», предполагает преемственность и разрыв, однако акцент делается на новых способах и формах старых колонизаторских практик, а не на чем-то выходящим за их рамки. Конечно, можно легко представить, как «постколониальное» попадает в страны третьего мира (скорее через англо-американскую, чем индийскую академию), но сам термин «постколониальный» мало распространен в африканских, ближневосточных и латиноамериканских интеллектуальных кругах, за исключением разве что в отношении исторического периода, следующего непосредственно за окончанием колониального господства. Возможно, именно за счет менее интенсивного опыта неоколониализма, сопровождаемого отчетливым ощущением относительной безопасности множества культур, языков и этнических групп в Индии, стало возможным использование префикса «пост-» вместо «нео-». Теперь обремененная долгами Индия, где процветал «постколониальный дискурс», попала под опеку Международного валютного фонда, а ее внешняя политика неприсоединения уступает место политическому и экономическому сотрудничеству с США. В связи с этим возникает вопрос, станет ли термин «неоколониальный» более распространенным, чем «постколониальный»⁶.

«Постколониальный» также создает критический локус для выхода за рамки антиколониальных националистических и модернизационных нарративов, фиксирующих Европу как объект критики, к дискурсивному анализу и историографии, рассматривающих децентрированное многообразие властных отношений (например, между колонизированными женщинами и мужчинами или между колонизированным крестьянством и буржуазией). Значимость таких интеллектуальных проектов иронично контрастирует с самим термином «постколониальный», который лингвистическими средствами воспроизводит центральное положение колониальных нарративов. «Постколониальный» означает нарратив продвижения, в котором колониализм остается центральной точкой отсчета во временном отрезке, четко упорядоченном от периода «до» к периоду «после». При этом двусмысленность новых форм колониализма – т.е. неоколониализма – никуда не исчезает.

За счет рассмотрения термина «постколониальный» в сравнении с другими терминами, такими как «неоколониальный» и «после обретения независимости (post-independence)», можно взаимно разъяснить эти понятия. «Неоколониальный», как и «постколониальный», предполагает переход, но его преимущество заключается в подчеркивании повторяемости, хотя и с отличиями, и возрождения колониализма другими средствами. Термин «неоколониализм» обозначает широкие отношения геоэкономической гегемонии. Термин «постколониальный», в отличие от термина «неоколониализм», ставит под сомнение критику современных колонизаторских структур доминирования, которая более доступна за счет смыслов повторения и возрождения, заложенных в «нео-». В то же время термин «после обретения независимости» (англ. *post-independence*) отсылает к свершившейся истории сопротивления, смещая аналитический фокус на формирующееся национальное государство. В этом смысле данный термин, именно в силу того, что он указывает на предназначение национального государства, обеспечивает расширенное аналитическое пространство для решения таких острых вопросов, как религия, этничность, патриархат, гендерная принадлежность и сексуальная ориентация, ни один из которых не сводится к эпифеноменам колониализма и неоколониализма. «Постколониальный»

предполагает дистанцирование от колониализма, а термин «после обретения независимости» (англ. *post-independence*) превозносит национальное государство; но, наделяя властью национальное государство, он также делает режимы третьего мира более подотчетными.

Действия одновременного привилегирования и дистанцирования колониальных нарративов, а также выхода за его пределы структурируют «промежуточные» рамки «постколониального». Эта промежуточность становится очевидной за счет коммутационного теста. Хотя можно постулировать дуализм колонизатора и колонизированного или даже неокolonизатора и неокolonизированного, но нет смысла говорить о дуализме постколонизатора и постколонизированного. «Колониализм» и «неокolonизм» предполагают как угнетение, так и возможность сопротивления. Преодолевая эти дихотомии, термин «постколониальный» не предполагает явного доминирования и не призывает к отчетливой оппозиции. Именно эта структурированная амбивалентность «постколониального», одновременно близкого и отдаленного временного отношения к «колониальному», привлекательна в постструктуралистском академическом контексте. Однако именно это с трудом уловимое качество делает термин «постколониальный» неудобным для геополитической критики централизованного распределения власти в мире.

Постколониальная теория в наибольшей степени занималась культурными противоречиями, двусмысленностью и амбивалентностью (см., например: *Bhabha* 1989; *Minh-ha* 1989). Путем значительного смещения акцентов она объясняет опыт перемещения представителей народов третьего мира в центры метрополий, и культурный синкретизм, который появился в результате пересечения первого мира и третьего мира. Данные темы не получили адекватного решения националистами третьего мира и дискурсами мир-системной теории, ориентированными на политэкономические категории. В этом смысле «выход за пределы» колониализма постколониальной теории кажется более разумным при сравнении с националистическим дискурсом третьего мира. Таким образом, термин «постколониальный» был бы более точным, если бы его формулировали как «пост-теорию первого/третьего мира» или «пост-антиколониальную критику»; как движение за пределы относительно бинаристского, фиксированного и устойчивого картирования властных отношений между «колонизатором/колонизированным» и «центром/периферией». Такое изменение формулировки предполагает более детализированный дискурс, который допускает движение, мобильность и подвижность. Здесь префикс «пост-» имел бы смысл не столько как «после», сколько как последующий, выходящий за рамки и комментирующий определенное интеллектуальное движение – антиколониальную критику теории третьего мира, – а не движение за пределы определенного исторического момента – колониализма; здесь «неокolonизм» был бы менее пассивной формой рассмотрения обстановки в неокolonизированных странах и политически более активным способом взаимодействия.

Постколониальная теория сформировала не только динамичное пространство для критической оппозиционной науки, но также пространство для споров, поскольку ряд специалистов в области этничности (*ethnic studies*) чувствуют себя несколько обделенными из-за роста числа постколониальных исследований на факультетах английского языка в университетах Северной Америки. Растущее институциональное одобрение термина «постколониальный» является, с одной стороны, показательной историей успеха для политкорректности, но не является ли он также средством частичного сдерживания цветных людей? Прежде чем «постколониальный» (англ. *PO-CO*) станет новым модным академическим словечком, необходимо рассмотреть эти расхождения, и особенно в контексте Северной Америки⁷. Создается впечатление, что «постколониальный» является привилегированным именно потому, будто находится на безопасном от США – «логова зверя» – расстоянии. Признание этих трещин и разломов имеет

решающее значение, если ученые, занимающиеся этническими и постколониальными исследованиями, хотят создать более эффективные институциональные альянсы.

Подняв эти вопросы относительно термина «постколониальный», остается рассмотреть ряд родственных понятий и исследовать их пространственно-временные подтексты. Актуализация «гибридности» и «синкретизма» в постколониальных исследованиях обращает внимание на взаимное наложение «центральной» и «периферийной» культур. «Гибридность» и «синкретизм» позволяют обсуждать множественность идентичностей и позиционирований субъектов в результате перемещения, эмиграции и изгнания без жесткой привязки идентичностей к эссенциализму и вопросам происхождения. Не случайно, что в значительной степени именно диаспорные интеллектуалы третьего мира в первом мире – смешанные по своей природе – разрабатывают структуру, которая помещает интеллектуалов третьего мира в рамки множества культурных позиций и точек зрения. Точно так же не является случайностью и то, что в Латинской Америке к «синкретизму» и «гибридности» десятилетия назад уже призывали различные латиноамериканские модернисты, говорящие о неологической культуре, *креолизме*, *метисации* и антропофагии (о бразильских модернистах и концепции антропофагии см.: Stam 1989). Культурно-синкретические герои бразильских модернистов 1920-х годов, «герои без характера», придуманные Мариу де Андради, могут рассматриваться как «постколониальные гибриды» *avant la lettre*. Каннибалистские теории бразильских модернистов и их разработка в рамках тропикализма конца 1960-х и начала 1970-х годов принимали как данность, что жители Нового Света были культурно смешанными – помесью коренных, африканских, европейских, азиатских и арабских идентичностей.

В то же время проблематичный пространственно-временной подтекст, заложенная в термине «постколониальный», оказывает влияние на концептуализацию прошлого в пост(анти)колониальной теории. Разрыв, заложенный в префиксе «пост-», отразился на соотношении между прошлым и настоящим в постколониальном дискурсе с особым упором на понятия гибридности. Иногда антиэссенциалистский акцент на гибридных идентичностях опасно приближается к отказу от всех поисков коммунитарных истоков, как от археологических раскопок идеализированного, но безвозвратного ушедшего прошлого. Тем не менее, на другом уровне, избегая какой-либо ностальгии по идеализированному коллективизму или однозначной простой идентичности, мы должны также задаться вопросом, возможно ли создать коллективное сопротивление, не отсылая к общему прошлому. Примером этого могут служить рэп-нарративы и видеорепрезентации, создающие образы Африки и рабства, зовущие к сопротивлению. Для сообществ, которые претерпели жестокий раскол, а сейчас формируют коллективную самобытность вне зависимости от того, насколько смешанной эта самобытная культура была до, во время и после колониализма, обретение и переписывание фрагментированного прошлого становится важнейшей современной площадкой для формирования коллективной идентичности, способной к сопротивлению. Таким образом, понятие прошлого можно трактовать иначе: не как статическую и ставшую своего рода фетишем стадию, которую нужно буквально воспроизвести, а как фрагментированные наборы нарративов о пережитом в прошлом, на основе которых можно мобилизовать силы современных сообществ. Прославление синкретизма и гибридности как таковых, не сформулированных в связи с вопросами гегемонии и неоколониальных властных отношений, рискует стать освящением *свершившегося факта* колониального насилия.

Модные ныне в метрополиях палимпсест и синкретизм нужно соотнести также с народами четвертого мира. Они должны объяснить, например, парадоксальное положение коренных жителей каяпо в лесах Амазонки, которые, с одной стороны, пользуются видеокамерами и тем

самым показывают свою культурную гибридность и способность к мимикрии, а с другой стороны, используют мимикрию, чтобы показать необходимость *сохранения* основных практик и контуров их культуры, включая их отношение к тропическому лесу и общинному владению землей. Принятие де-факто гибридности как результата колониальных завоеваний и дислокаций после обретения независимости, а также признание невозможности возврата к аутентичному прошлому не означают, что политические и культурные движения различных расово-этнических сообществ должны прекратить исследования и повторное использование их доколониальных языков и культур (еще одно критическое описание гибридности и памяти см.: *Diawara* 1990/1991). Прославление гибридности постколониальной теорией может привести к снисходительному отношению со стороны антиэссенциалистов к тем сообществам, которые вынуждены в силу обстоятельств и ради своего выживания отстаивать утраченное и даже безвозвратное прошлое. В таких случаях отстаивание культуры, существовавшей до завоевания, является частью борьбы против уничтожения. Если понимать буквально логику постструктуралистских/постколониальных суждений, то зуни в Мексике/США следует осудить за их поиски следов первоначальной культуры, а джиндиворобак в Австралии следует раскритиковать за обращение к языку и культуре аборигенов как части их возрождения. Иными словами, вопрос не в том, существует ли такая вещь, как исходное однородное прошлое; и не в том, можно ли к нему вернуться; и даже не в том, что оно неоправданно идеализировано. Вопрос заключается в том, кто и что мобилизуется в проговаривании прошлого, с использованием каких идентичностей и репрезентаций и ради какого политического проекта и целей.

Обсуждение локаций, идентичностей и позициональностей по отношению к насилию неокOLONиализма имеют решающее значение для того, чтобы гибридность не стала формой одобрения гегемонии. Будучи крайне широким термином, «гибридность» сама по себе не позволяет провести различие между разнородными видами гибридности, например, принудительной ассимиляцией, интернализированным самоотвержением, политической кооптацией, социальным конформизмом, культурной мимикрией и творческой преодолением. Будучи, с одной стороны, антитезой биологически и религиозно расистских тропов, а с другой – пуристских антиколониальных представлений об идентичности, «постколониальная гибридность», в сущности, проблематична. В контексте, например, Латинской Америки, национальная принадлежность официально формулировалась в терминах гибридности при помощи интеграционистской идеологии, которая замалчивала институциональный и дискурсивный расизм. В то же время гибридность также использовали как элемент оппозиционной критики, к примеру, движениями модернистов и тропикалистов в Латинской Америке. Как и в случае с термином «постколониальный», необходимо рассмотреть вопрос положения и перспективы, то есть различий между гибридами, а точнее – «гибридами» европейцев и их потомков по всему миру и «гибридов» народов (бывших) колоний. Кроме того, различия можно делать и среди диаспор третьего мира и, например, между афроамериканскими «гибридами», говорящими на английском языке в первом мире, и «гибридами» афро-кубинцев и афро-бразильцев, говорящими на испанском и португальском языках в третьем мире.

«Гибридность», как и «постколониальный», подвержена размытию перспектив. «Гибридность» следует рассматривать в неунифицированном и дифференцированном ключе, она контекстуализируется в рамках нынешних неокOLONиальных гегемоний. Исследование культуры, начатое в дискурсе гибридности/синкретизма, необходимо снова связать с анализом геополитики на макроуровне. Это требует взаимодействия с вездесущими англо-американскими СМИ (такими, как CNN, BBC, AP и другими), а также с событиями такого масштаба, как война в Персидском заливе и начавшееся после нее массовое и болезненное перемещение населения.

Следует отметить, что кризис социализма во втором мире не изменил неоколониальную политику и на некоторых уровнях привел к еще большему беспокойству среди таких сообществ третьего мира, как палестинцы и южноафриканские чернокожие, относительно их борьбы за независимость без служащего противовесом второго мира.

Распространение термина «постколониальный» как теоретической основы обычно предполагает вытеснение неоколониализма, а также третьего мира и четвертого мира как немодных и даже неуместных категорий. Тем не менее, при всех своих проблемах, термин «третий мир» по-прежнему сохраняет эвристическую ценность в качестве удобного обозначения для империализированных образований, в том числе внутри первого мира. Понятие «третий мир» наиболее значимо в широком политико-экономическом контексте, но становится размытым при обращении к различно модулируемой политике в сфере культуры и к противоречивому пространству взаимопроникающих идентичностей. Понятие «третий мир» оказывается продуктивно, когда от него отказываются и рассматривают как нечто условное и в конечном счете неадекватное.

На данный момент замена термина «третий мир» на термин «постколониальный» проблематично. Несмотря на различия и противоречия между странами третьего мира и внутри них, сам термин «Третий мир» содержит общий проект (взаимосвязанного) движения сопротивления нео/колониализму. В частности, в контексте Северной Америки он стал термином, наделющим властью межобщинные коалиции различных «цветных» народов⁸. Возможно, именно это чувство общего проекта, вокруг которого можно объединиться, отсутствует в пост(анти) колониальных дискуссиях. Если термины «постколониальный» (англ. *post-colonial*) и «после обретения независимости» (англ. *post-independence*) по-разному подчеркивают разрыв в сравнении с колониализмом, а термин «неоколониальный» (англ. *neo-colonial*) подчеркивает преемственность, то термин «третий мир» (англ. *Third World*) вскрывает структурную общность борьбы. Обращение к термину «третий мир» подразумевает веру в то, что общая история нео/колониализма и внутреннего расизма образует соответствующую общую основу для альянсов между настолько различными народами. Если кто-то не верит в такую общность или не может себе ее представить, то тогда действительно следует отбросить термин «третий мир». Именно это различие в отношении объединения и мобилизации между понятиями «третий мир» и «постколониальный» предполагает относительное использование терминов. Мое утверждение о политической релевантности таких категорий, как «неоколониализм» и даже проблематичного понятия «народов третьего и четвертого миров», не означает подчинения интеллектуальной инерции, а указывает на необходимость использования всех понятий дифференцированно.

В общем, концепцию «постколониального» необходимо изучить и контекстуализировать сквозь призму истории, геополитики и культуры. Мои доводы не обязательно состоят в том, что одна концептуальная основа «неправильная», а другая – «правильная», а в том, что каждая основа лишь частично освещает аспекты системных способов доминирования, пересекающихся коллективных идентичностей и современных международных отношений. Каждая из них обращается к конкретной и даже противоречивой динамике между различными зонами мира и внутри них. Необходимы более гибкие отношения между различными концептуальными основами – система понятий, разнообразный набор дисциплинарных, а также культурно-геополитических линз, которые соответствуют этим сложностям. Важно гибко, но критично подходить к использованию термина, что позволит обращаться к политике локализации. Это важно не только для указания на исторические и географические противоречия и различия, но и для подтверждения исторических и географических связей, структурных аналогий и возможностей для действий и сопротивления.

Примечания

- ¹ Вторит ли это состояние языку экзистенциализма, или же оно вторит постмодернизму?
- ² Связь между тремя английскими словами «post-colonial», «post-coloniality» и «post-colonialism», которые могут быть переведены на русский язык как «постколониальный» или «постколониализм», еще предстоит более тщательно исследовать.
- ³ Эта перспектива объясняет жесткое подавление движений, выступавших против союза США и Египта во время войны. Фактически, Кэмп-Дэвидский договор тесно связан с экономической политикой «открытых дверей», предусматривающей ликвидацию египетского государственного сектора. Называемое теньвым правительством Египта, «Агентство США по международному развитию» частично несет ответственность за позиции, которые правительства Египта и большинства арабских стран заняли во время войны в Персидском заливе.
- ⁴ Жесткое навязывание исламского права в Саудовской Аравии связано с попытками замаскировать антирегиональное сотрудничество режима с интересами имперских режимов.
- ⁵ «Грингостройка» – неологизм, созданный мексиканским художником мультимедиа Гильермо Гомес-Пенья..
- ⁶ Статья «Заметки о “постколониальном”» готовится к печати, другой соответствующий труд уже был опубликован: *Bidwai* 1992.
- ⁷ Замена термином «постколониальный» термина «Третий мир» неоднозначна, особенно когда уверенно используют постструктуралистские/постколониальные теории при слабом понимании историко-материального наследия колониализма, неоколониализма, расизма и антиколониального сопротивления. Эти оговорки способствовали поверхностному отклонению от формулировок Франца Фанона и были обозначены как вульгарные.
- ⁸ Айджаз Ахмад в своем труде «Литература третьего мира и националистическая идеология» предлагает критику использования термина «Третий мир» в академических кругах США. К сожалению, он оставляет без внимания важнейшую проблему расширения прав и возможностей в Третьем мире среди различных цветных людей в интеллектуальных и академических сообществах Северной Америки (см.: *Ahmad* 1989).

Пер. с англ. Е.С. Трифоновой

Научная литература

- Ahmad A.* Jameson's Rhetoric of Otherness and the "National Allegory" // *Social text*. 1987. No 17.
- Ahmad A.* Third World Literature and the Nationalist Ideology // *Journal of Arts and Ideas*. 1989. No 17–18.
- Appadurai A.* Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Public Culture*. 1990. Vol. 2 (2).
- Appiah K.A.* Is the Post-in Postmodernism the Post-in Postcolonial? // *Critical inquiry*. 1991. No 17.
- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H.* The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. London: Routledge, 1989.
- Bennington G.* Postal Politics and the Institution of the Nation // *Nation and Narration* / Ed. H.K. Bhabha. London, New York: Routledge, 1990.
- Bhabha H.K.* The Commitment to Theory // *Questions of Third Cinema* / Eds. J. Pines, P. Willemsen. London: British Film Institute, 1989.
- Bidwai P.* India's Passage to Washington // *The Nation*. 1992.
- Diawara M.* The Nature of Mother in Dreaming Rivers // *Third Text*. 1990/1991. No 13.
- Lockman Z., Benin J.* (Eds.) Intifada: The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation. Boston: South End Press, 1989.
- Minh-ha T.T.* Woman, Native, Other. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Mohanty C.T.* Cartographies of Struggle: Third World Women and the Politics of Feminism // *Third World Women and the Politics of Feminism* / Eds. C.T. Mohanty, A. Russo, L. Torres. Indiana University Press, 1991.

- Radhakrishnan R.* The Postmodern Event and the End of Logocentrism // *Boundary 2*. 1983. Vol. 12 (1).
- Said E.W.* After the Last Sky. Boston: Pantheon Books, 1985.
- Said E.W.* Intifada and Independence. In *Intifada: The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation*, edited by Zachary Lockman and Joel Beinin. Boston: South End Press, 1989.
- Spivak G.C.* Poststructuralism, Marginality, Postcoloniality and Value // *Literary theory today* / Eds. P. Collier, H. Geyer-Ryan. London: Polity Press, 1990.
- Stam R.* Subversive Pleasures: Bakhtin, Cultural Criticism and Film. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.
- Stam R.* Eurocentrism, Afrocentrism, Polycentrism: Theories of Third Cinema // *Quarterly Review of Film and Video*. 1991. Vol. 13 (1–3).
- Young R.* Poststructuralism: the End of Theory // *Oxford Literary Review*. 1982. Vol. 5 (1–2).

Research Article

Shohat, E. Notes on the «Post-Colonial» [Zametki o postkolonial'nom]. *Anthropologies*, 2022, no 1, pp. 136-150, doi 10.33876/2782-3423/2022-1/136-150

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ella Shohat | Professor New York University, departments of Art & Public Policy and Middle Eastern & Islamic Studies | es100@nyu.edu

Keywords

Postcolonialism, hybridity, Third World, neocolonialism

Abstract

My intention in this essay is not merely to anatomize the term “post-colonial” semantically, but situate it geographically, historically and institutionally, while raising doubts about its political agency. The question at stake is this. Which perspectives are being advanced in the “post-colonial?” For what purposes? And with what slippages? In this brief discussion, my point is neither to examine the variety of provocative writings produced under the rubric post-colonial theory, nor simply to essentialize the term “post-colonial”, but rather to unfold its slippery political significations, which occasionally escape the clearly oppositional intentions of its theoretical practitioners. Here I will argue for a more limited, historically and theoretically specific usage of the term “postcolonial”, one which situates it in a relational context vis-à-vis other (equally problematic) categories.

References

- Ahmad, A. 1987. Jameson’s Rhetoric of Otherness and the “National Allegory”, *Social text*, 17.
- Ahmad, A. 1989. Third World Literature and the Nationalist Ideology, *Journal of Arts and Ideas*, 17–18.
- Appadurai, A. 1990. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy, *Public Culture*, 2, 2.
- Appiah, K.A. 1991. Is the Post-in Postmodernism the Post-in Postcolonial? *Critical inquiry*, 17.
- Ashcroft, B., Griffiths, G., and H. Tiffin. 1989. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. London: Routledge.
- Bennington, G. 1990. Postal Politics and the Institution of the Nation, *Nation and Narration*, H.K. Bhabha (ed.). London, New York: Routledge.
- Bhabha, H.K. 1989. The Commitment to Theory, *Questions of Third Cinema*, J. Pines, P. Willemsen (eds.). London: British Film Institute.
- Bidwai, P. 1992. India’s Passage to Washington, *The Nation*, 20 January.
- Diawara, M. 1990/1991. The Nature of Mother in Dreaming Rivers, *Third Text*, 13.

- Lockman, Z., and J. Benin (eds.). 1989. *Intifada: The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation*. Boston: South End Press.
- Minh-ha, T.T. 1989. *Woman, Native, Other*. Bloomington: Indiana University Press.
- Mohanty, C.T. 1991. Cartographies of Struggle: Third World Women and the Politics of Feminism. *Third World Women and the Politics of Feminism*, C.T. Mohanty, A. Russo, L. Torres (eds.). Indiana University Press.
- Radhakrishnan, R. 1983. The Postmodern Event and the End of Logocentrism. *Boundary 2*, 12, 1.
- Said, E.W. 1985. *After the Last Sky*. Boston: Pantheon Books.
- Said, E.W. 1989. Intifada and Independence, *Intifada: The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation*, Z. Lockman and J. Beinini (eds.). Boston: South End Press.
- Spivak, G.C. 1990. *Poststructuralism, Marginality, Postcoloniality and Value, Literary theory today*, P. Collier, H. Geyer-Ryan (eds.). London: Polity Press.
- Stam, R. 1991. Eurocentrism, Afrocentrism, Polycentrism: Theories of Third Cinema, *Quarterly Review of Film and Video*, 13, 1–3.
- Stam, R. 1989. *Subversive Pleasures: Bakhtin, Cultural Criticism and Film*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Young, R. 1982. Poststructuralism: the End of Theory, *Oxford Literary Review*, 5, 1–2.